

архимандрит Августин (Никитин)

НЕМЕЦКАЯ КАТОЛИЧЕСКАЯ ОБЩИНА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Петровская эпоха

В жизни инославных христиан, живших в России, важным событием явился «Манифест Петра Великого» от 16 апреля 1702 г., который провозглашал принципы веротерпимости. «И понеже здесь в столице нашей, — говорилось в “Манифесте”, — уже введено свободное отправление богослужения всех других, хотя и с нашей Церковью несогласных христианских сект, того ради и оно сим вновь подтверждается таким образом, что по дарованной нам от Всевышнего власти, совести человеческой приневоливать не желаем и охотно предоставляем каждому христианину на его ответственность пещись о блаженстве души своей. И так мы крепко того станем смотреть, чтобы по прежнему обычаю никто как в своем публичном, так и в частном отправлении богослужений беспокоен не был, но при оном содержан и противу всякого помешательства защищен был»¹.

В то время «столицей нашей» была Москва, где имелась довольно многочисленная католическая община. В 1703 г. французский посланник в России де Балюз (de Baluze) отправил в Париж очередное донесение, в котором он упоминает о московском католическом храме. Как сообщал французский дипломат, в этой церкви «служат два почтенных **немецких** священника; им (немецкий) император платит по тысяче флоринов в год; в упомянутой церкви находится гобеленовый ковер с гербом Франции, изображающий крещение (императора римского. — *а.А.*) Константина»².

По словам того же автора, «эти священники ходатайствовали в Вене о денежном пособии, которое дало бы им возможность выстроить каменную церковь, и о прибавке двух священников, долженству-

ющих отправиться для преподавания утешения католикам, находящимся в астраханском войске и в Азове»³. Эта депеша была отправлена во Францию в октябре 1703 г., вскоре после основания на берегах Невы града Петрова.

В числе прочих иностранцев, которые приняли участие в застройке Санкт-Петербурга, наряду с протестантами были и католики. На первых порах у них не было своего храма, и богослужение совершалось в частных домах. Это также было предусмотрено в «Манифесте»: «Буде же случится, что в каком-либо месте нашего государства или при наших армиях и гарнизонах, не будет настоящего духовного чину проповедника или церкви, то каждому позволено будет не только в доме своем самому и с домашними своими службу Господу Богу совершать, но и принимать к себе тех, которые пожелают у него собраться, для того, чтобы по предписанию всеобщего постановления христианских церквей, единогласно восхвалять Бога и таким образом отправлять богослужение»⁴, — говорилось в царском указе.

В те годы члены «Общества Иисуса» (иезуиты), жившие в Москве, совершали нелегкие по тем временам поездки на невские берега для духовного окормления своих единоверцев. Так, в донесении за 1704 г. они сообщали: «Была поездка в Петербург у Финского залива за 138 германских миль; ездили ради живущих там офицеров-католиков»⁵.

В «годовом отчете» не указывается число католиков, живших в Санкт-Петербурге; сведения даются по России в целом: «Крещено 10; елеопомазано 6; погребено 9; приобщено Св. Тайнам почти 800 человек»⁶. Это вполне объяснимо: в сравнении с другими городами, которые посещали московские иезуиты, количество католиков в Санкт-Петербурге было не столь велико.

Тем не менее в эти годы на Адмиралтейском острове, западнее Летнего сада, была устроена деревянная католическая церковь⁷. Она располагалась в доме, купленном на пожертвования иностранцев, у капитана флота (впоследствии адмирала) Гордона⁸.

Храм был открыт не позднее 1706 г., поскольку именно в том году московские иезуиты сообщили своему духовному начальству: «Снова наши ездили в Петербург, и работавшими там для светлейшего царя **нюрнбергскими** и швейцарскими скульпторами сделана для новой церкви сень с предстоящими довольно большими ангелами»⁹.

Связи Санкт-Петербурга с **Нюрнбергом** поддерживались и в дальнейшем. В «Истории Петра» А.С. Пушкин сообщает о том, что 30 ок-

тября 1716 г. русский царь прибыл в Любек, «откуда отправился в Ниренберг, где велел одному живописцу снять с себя портрет в профиль, — и отослал оный в Петербург с повелением вырезать его на рублях, кои и появились на следующий год»¹⁰.

Число католиков, живших в Санкт-Петербурге, постоянно росло, и в 1709 г. сведения о них в отчете московских иезуитов уже выделены особой строкой: «В настоящее время католиков в Петербурге у Финского залива — 70»¹¹.

В октябре 1710 г. в петербургском католическом приходе была заведена метрическая книга (впоследствии она хранилась в архиве церкви св. Екатерины). В книге регистрировались бракосочетания, рождения, крестины, погребения. Первым священником, который вел эту книгу, был **о. Вольфганг Гейдингер**, доминиканец из Формбаского монастыря.

В 1714 г. Петр I повелел воздвигнуть каменный Петропавловский собор на том месте, где стояла прежняя деревянная церковь. Его строительство, продолжавшееся 8 лет, осуществлялось по проекту Доменико Трезини. Что же касается католического храма, стоявшего на другом берегу Невы, то, как и прочие церковные постройки, срубленные из дерева, он оказался недолговечным. В начале 1720-х годов прежний деревянный католический храм был перестроен в камне. Сведения об этом содержатся в книге **ганноверского (брауншвейг-люнебургского) посланника** при дворе Петра I Фридриха-Христиана Вебера «Преображенная Россия» (Франкфурт, 1721). Немецкий дипломат жил в России с 1714 по 1719 г.; в приложении «О городе Петербурге» он пишет: «Теперь я подхожу к самой лучшей слободе на реке, она, собственно, называется Адмиралтейским островом, но обычно ее именуют Немецкой слободой, так как в этой части города живет большинство немцев <...> Здесь есть католическая церковь, тоже деревянный дом, но теперь ее перестраивают в камне»¹².

С первых лет своего существования католический храм находился в ведении «Общества Иисуса». Однако в связи с делом царевича Алексея (1718 г.) Петр I выслал иезуитов из России, и на их место прибыли капуцины. Именной указ «О высылке иезуитов за границу» был издан 18 апреля 1719 г.¹³ В мае того же года на этот счет последовало царское повеление. О причинах высылки иезуитов сообщал датский путешественник Петер фон Хавен, побывавший в России в 1730-х годах. Вот что пишет он по этому поводу: «Иезуиты в мае 1719 г. были изгнаны из

России — отчасти из-за возникших тогда недоразумений между русским и германским императорскими дворами; по ходатайству последнего этому ордену было дозволено пребывать в Российском государстве. Отчасти же — из-за опасных махинаций и известной страсти вмешиваться в политические дела, о чем (российский) император недвусмысленно уведомил в своем по сему поводу изданном манифесте, который был прибит на дверях католической церкви¹⁴. Иезуитов обвиняли в том, что «при отправлении духовных служб корреспонденцию имеют политическую»¹⁵.

В книге датского автора приводятся такие подробности, о которых не упоминают другие его современники, писавшие об этих событиях. «Некий патер-иезуит по имени Энгел был за это посажен под арест вместе со своим коллегой, однако спустя пару месяцев выпущен, после того как дал письменное обязательство, что никогда не станет мстить, и притом ему было приказано не покидать Петербурга, покуда не завершится следствие по делу московитских и украинских падре, — продолжает Петер фон Хавен. — Один иезуит по имени патер Франц подвергался во время этих событий величайшей опасности, так как ироническим письмом жестоко пропесочил одного русского епископа. Примечательно, что следствие выявило в государстве иезуитов больше, чем предполагали; они жили там неузнанными, занимаясь мирской работой»¹⁶, — так завершает свое повествование датский лютеранин, добавляя при этом: «С того времени в России католические падре всегда были капуцинами»¹⁷.

На место высланных иезуитов в Россию были направлены капуцины: о. Патриций Миланезе (то есть уроженец Милана), о. Венуст и о. Теодозий (Феодосий). Вместе с капуцинами в Санкт-Петербург направились и францисканцы: о. Яков (из Оледжии), о. Миний Центовский (вскоре посланный в г. Або) и о. Бонавентура Шольц, отправленный в Астрахань¹⁸.

Однако вскоре иезуитам было разрешено вернуться в Россию, и в Санкт-Петербурге они возобновили свою деятельность. В сообщении Ф.Х. Вебера, относящемся к 1721 г., по этому поводу говорится следующее: «Его Царское Величество вновь позволил иезуитам при-быть в страну и пообещал им щедрую помощь в необходимом строительстве»¹⁹. При этом немецкий посланник замечает: «Кроме того, должно быть построено еще много других католических церквей и монастырей»²⁰.

Эпоха Анны Иоанновны (1730–1740)

Хотя при императрице Анне Иоанновне предпочтение среди инославных исповеданий отдавалось протестантизму, тем не менее положение католической общины в столице также несколько улучшилось. Это подтверждает датчанин-протестант Петер фон Хавен, живший в городе на Неве с 1736 по 1737 г. В его книге «Путешествие по России» упоминается про тогдашнее положение католических общин в «стране пребывания». «У католиков есть одна церковь в Петербурге, одна — в Москве и одна — в Астрахани. При петербургской католической общине были четыре падре — итальянец, **немец**, поляк и француз»²¹, — пишет фон Хавен, приводя затем довольно любопытные сведения.

В заметках фон Хавена ничего не говорится о тех бедствиях, которые обрушились на католический храм летом 1735 г., когда в Санкт-Петербурге вспыхнул большой пожар. А между тем об этом пишет петербургский историограф Г. Богданов. Упомянув про «кирху каменную католицкую», он продолжает: «Сия кирка прежде пожару стояла в Греческой, то есть в **Немецкой улице**, позади Миллионной (улицы) близ главной аптеки, но она в пожаре сгорела в 1735 г.»²²

Г. Богданову вторит другой отечественный автор — Ф. Туманский. В описании «Третьей Адмиралтейской части» он говорит о католической церкви «разных языков»; она «была в **Немецкой слободе** позади Миллионной, близ главной аптеки, деревянная, в 1735 г. сгоревшая»²³.

По просьбе петербургской католической общины императрица Анна Иоанновна поручила подыскать в столице свободный участок для постройки новой каменной церкви. К этому времени — в 1727–1733 гг. — общины ряда протестантских церквей получили участки для постройки своих храмов близ Большой Перспективной дороги (будущего Невского проспекта). Поэтому и католическая община обратилась с ходатайством об отводе места на Першпективе для постройки храма. 14 сентября 1738 г. императрицей Анной Иоанновной был подписан указ о выделении на Невской перспективе участка для постройки костела²⁴. «Под строение римской церкви, — говорилось в указе, — отдать на Адмиралтейской стороне, подле большой перспективной дороги, то место, о котором оной религии патер суперитор с своим обществом просили, и от Комиссии о строениях в Кабинет представлено было, токмо с таким обязательством, чтоб они строили помянутую церковь и прочее строение на том месте каменное, а дере-

вянного бы ничего не строили, понеже по той проспективе по обоим сторонам надлежит быть всем домам с каменным строением»²⁵.

Комиссия по делам Санкт-Петербургского строительства предложила католической общине место между Невским проспектом и Большой Итальянской улицей. Вскоре были определены границы передаваемого участка, после чего приход «построил себе малую каменную церковь»²⁶.

Предоставляя католической общине те же привилегии, что и протестантам, Анна Иоанновна тем не менее стремилась ограничить миссионерскую деятельность их духовных наставников. В отличие от лютеранских и реформатских пасторов, католические священники проявляли повышенную активность в этой сфере. Еще в феврале 1735 г. был издан Высочайший указ «О дозволении свободного богослужения всем христианским вероисповеданиям в России и о возбранении духовным особам иностранных христианских вер обращать в оныя русских подданных, какого бы закона они не были, под опасением суда и наказания по законам»²⁷. Издавая этот указ, императрица Анна Иоанновна повелевала, «чтоб тех исповеданий духовные особы жили во всякой кротости»²⁸.

Вводимые строгости обосновывались усилившимся прозелитизмом со стороны инославных священнослужителей: «Мы к неудовольствию нашему слышать принуждены, что некоторые из оных тому противно поступают и из наших подданных всякими своими внушениями в свой закон приводить стараются»²⁹, — сетовала императрица. Так что католики, как и протестанты, жившие в Санкт-Петербурге, должны были ограничить свою деятельность оградой храмов: «Для того повелеваем сей Наш указ во всех церквах вышеписанных законов, в Нашем государстве обретающихся, надлежаше публиковать, и у дверей церковных прибить, дабы о том ведали, и по сему Нашему соизволению и указу поступали неотменно»³⁰, — такими словами завершался текст указа Анны Иоанновны.

Елизаветинская эпоха (1741–1761)

В конце 1730-х годов начались поиски архитектора для сооружения на Невском проспекте большого каменного храма вместо временного. Выбор пал на молодого итальянца Пьетро Антонио Трезини, сына Доменико Трезини. К этому времени Доменико Трезини уже не было в живых; он скончался 19 февраля 1734 г. Место его по-

гребения неизвестно, но можно предполагать, что оно было в **Немецкой слободе** при католической церкви, где Трезини был одним из первых старост³¹.

К сожалению, Пьетро Трезини не удалось довести до конца начатое дело. В 1751 г. он оставил Петербург и отбыл на родину. Долгое время после отъезда Пьетро Трезини никаких работ по строительству храма не проводилось, и католики собирались на молитву в малой каменной церкви. Проект П.А. Трезини долгое время не удавалось реализовать: лишь в 1759 г. постройка нового храма была поручена французскому архитектору Жану Батисту Валлену Деламоту (Vallin de la Mothe, 1729–1800).

Деламот существенно изменил проект строительства храма, выполненный П.А. Трезини. Императрица Елизавета скончалась 25 декабря (ст. ст.) 1761 г., и проект, представленный Валлен Деламотом, утвердил ее преемник — император Петр III (9 марта 1762 г.). «Елизавета, окруженная старыми сподвижниками Петра Великого, следовала во всем правилам, принятым ее отцом, к которому питала она пламенную неограниченную любовь»³², — замечает Пушкин.

В записках Якоба Штелина сообщается о том, как католическая община С.-Петербурга почтила память почившей императрицы, и о визите в общину Петра III. «Спустя несколько дней после погребения императрицы (Петр III) отправляется в католическую церковь францисканцев, где был построен катафалк и совершена была панихида с музыкой по императрице Елизавете, сочинения Манфредини; завтракает у пасторов и подписывает план их новой церкви»³³.

Якоб Штелин пишет «о трогательной траурной музыке, которая исполнялась у святых отцов-францисканцев в их церкви в Петербурге через неделю после пышного погребения императрицы, во время торжественного богослужения в феврале 1762 г.»³⁴ Вот как это происходило: «Патеры велели воздвигнуть на приношения виднейших членов их церкви траурное сооружение. Императорский театральный художник Градици-младший и театральный машинист Бригонци сделали самое лучшее сооружение и траурную декорацию церкви. А капельмейстер Манфредини сочинил траурную музыку, причем кастраты и остальные итальянские певцы и один немецкий басист пели, а вся императорская капелла играла, — пишет Якоб Штелин. — Эта музыка длилась 2 часа и была найдена такой истинно церковной и привлекательной, что если бы она длилась 4 часа, то и тогда бы не показалась слушателю слишком длинной»³⁵.

Эпоха Екатерины II (1762–1796)

Здание нового католического храма было заложено 16 (27) июля 1763 г. По этому случаю была выбита серебряная медаль с изображением императрицы Екатерины II и латинской надписью на реверсе³⁶.

После закладки нового собора работа шла медленно, многое приходилось менять в процессе строительства. А в 1775 г. Деламот, как в свое время и Пьетро Трезини, был вынужден вернуться на родину, не успев осуществить свой замысел. Во Франции он прожил еще более 20 лет, которые не стали для него плодотворными: из 49 известных на сегодня работ 47 Деламот выполнил в России³⁷.

В те годы петербургский католический приход по-прежнему окормляли члены францисканского ордена. Известный путешественник Джованни-Джакомо Казанова, побывавший в России в 1765–1766 гг., упоминает о том, что в Санкт-Петербурге «отправляли службу в католическом храме длиннобородые монахи-францисканцы»³⁸.

12 февраля 1769 г. Екатерина II выдала католическому храму жалованную грамоту³⁹, в которой говорилось, что его прихожане получают вечное право на свободное совершение богослужений по римско-католическому обряду; что все постройки (как возводимые, так и те, которые могут быть построены в будущем на территории, выделенной указом императрицы Анны Иоанновны для построения храма и других сооружений при нем) будут принадлежать на вечные времена самим прихожанам, и никто никогда ни под каким видом не будет иметь права предъявлять на эту землю и на эти постройки каких-либо претензий. Церковь, строящиеся при ней школа, дома для причта и все другие сооружения указом императрицы освобождались от каких-либо податей и полицейских налогов. (Выданный императрицей документ торжественно сохранялся в храме до самого его закрытия в 1939 г.⁴⁰)

В конце XVIII в. немецкий историк И.Г. Георги писал: «Приход сей зависел от Папского совета в Риме, но по желанию оного в 1769 г. получил оный от здешнего правительства регламент, которой власть того совета весьма ограничил и подчинил приход, равно всем прочим иноверцам, Юстиц-коллегии»⁴¹.

Как и ранее богослужения и требы должны были совершать священники францисканского ордена: «Как прежними указами повелено, так и ныне подтверждаем, чтоб более сего числа ордена сего, который должен быть францисканский, никакого другого ордена

духовных (лиц) при сей римской кирхи не было»⁴². Но это не значило, что монахам из других католических орденов въезд в столицу был запрещен. «Исключаются, однако ж, те патры, — разъяснялось в “Регламенте”, — которые при чужестранных министрах для их персональной службы обретаться, или с купеческими кораблями для служения духовного, на оных кораблях на время приезжать будут»⁴³.

Вот что писал по «францисканскому вопросу» Д.А. Толстой. Отметив, что Екатерина II «по жалобам прихожан петербургской церкви на их духовенство» позволила в 1769 г. им самим выписывать для себя священников чрез посредство правительства, не завися в этом несколько от «Пропаганды (веры)». Отечественный исследователь продолжает: «Римский двор думал сначала помешать присылке священников, назначение которых у него было отнято, и в 1770 г. отказал посланнику нашему на сейме ратисбонском послать требовавшихся четырех францисканцев, до тех пор пока “Пропаганда” не уступлены будут прежние ее права и не будет выслан из Петербурга **ксендз Франкенберг**, интригам коего приписывали невыгодное для Рима постановление правительства»⁴⁴.

Согласно положениям Регламента, причт собора св. Екатерины должен был сменяться каждые четыре года с возможным в отдельных случаях продлением этого срока еще на четыре года. Имущественными делами должен был управлять выбираемый прихожанами приор и восемь его помощников, в число которых должны были входить по **два немца**, француза, итальянца и поляка⁴⁵.

Таким образом, в Регламенте был учтен многонациональный характер католической общины; до этого времени прихожане зачастую не могли слышать в храме проповедей на родном языке. «Патры такие присылаются, — сетовали прихожане, — которые только один итальянский язык знают, и из коих три для малого числа итальянцев здесь излишни, а **немцы**, французы и поляки <...> за неимением **патров немецких** довольного числа, претерпевают нужду»⁴⁶.

Немцы-католики составляли значительную часть прихода св. Екатерины, и ранее их духовно окормляли немецкие священники. Однако со временем они были вытеснены итальянскими супериорами, которые «о здешних узаконениях, обычаях и нравах ни малейшего сведения не имеют, а бывшие здесь много лет искусные немецкие патры в достоинстве пренебрежены и несправедливыми грамотами из Рима отозваны, от чего и частые между ими (и) прихожанами неудовольствия происходили»⁴⁷.

«По статутам состоит католический приход в Санктпетербурге из немцев, французов, италианцев и поляков, — отмечал в конце XVIII в. И.Г. Георги. — К одному из сих народов должны присообщаться и португальцы. Оный приход имеет шесть патеров, из которых один есть старший (superior), которого Папский совет в сем звании подтверждает. Все они должны быть францисканцы и через каждые четыре года переменяться или по крайней мере снова на четыре года быть избраны. Старший должен наблюдать, чтоб никто из другого какого исповедания, а наипаче из греческого (православного. — *а.А.*) не принимал католической веры»⁴⁸.

Строительство католического собора из-за материальных затруднений затянулось более чем на 20 лет. Но оставить громадное недостроенное здание прямо в центре столицы было невозможно. Да и католическая община, собравшая на сооружение храма около 100 тыс. руб., усердно хлопотала перед Екатериной II о скорейшем завершении работ. Они, по решению императрицы, вскоре были поручены синдик (старосте) католической церкви — итальянскому архитектору Антонио Ринальди. С 1752 г. он жил в России; его постройки в Петербурге также носят переходный характер от барокко к раннему классицизму⁴⁹.

Деньги для строительства частично выделялись казной, частично поступали от жертвователей и прихожан — «помощью здешних и иноземных складчин»⁵⁰. Стоимость всех работ составила 118 тыс. 730 руб. Значительную часть этой огромной по тем временам суммы вложил в постройку собора **баварский негодант Андрей Пирлинг**⁵¹. Как отмечал Ф. Туманский, католическая церковь была также «обогащена подаянием императора Римского Иосифа Второго»⁵². (Австрийский император Иосиф II (+1790) побывал в России в 1780 г. по приглашению Екатерины II. Это был неофициальный визит, и монарх остановился в Петербурге под именем графа Фалькенштейна.)

Работы по строительству собора были в основном завершены в 1782 г., спустя почти сорок лет после отвода земельного участка. На завершающем этапе работами по возведению храма руководил архитектор Минчиани. 7 октября 1783 г. состоялось освящение собора, названного в честь святой Екатерины Александрийской, Девы и Мученицы, — соименницы императрицы Екатерины II. О тогдашней численности католической общины С.-Петербурга дают представленные сведения, приведенные в книге И.Г. Георги. «Здесьнею католическою церковью от 1780 до 1790 г. и так в течение десяти лет обручено

285 чет, окрещено 951 младенец и погребено 944 человека. В 1792 г. обвенчано 40 чет, окрещен 131 младенец и похоронено 79 покойников»⁵³, — пишет немецкий автор, отмечая при этом: «...обедню служат всегда на латинском языке, а патеры говорят проповеди попеременно на одном из четырех языков»⁵⁴.

Над главным престолом был помещен большой образ «Мистическое обручение святой Екатерины». Эта картина была подарена храму императрицей Екатериной II; она была написана известным художником того времени **Якобом Миттенлейдером** (1750–1825). Вокруг висели и другие образа, созданные тем же художником. В архивных документах этот немецкий художник также упоминается как J. Christ (Крист); для храма св. Екатерины он написал целый ряд картин: «Св. Иоанн Креститель», «Добрый пастырь», «Тайная Вечеря» и «Св. Дух». Он исполнил также некоторые образа для церкви св. Александра Невского в Петербурге⁵⁵.

Немецкие католики пожертвовали немалые средства на сооружение храма св. Екатерины, и в дальнейшем они сохраняли свое влияние на католическом приходе. В описании Петербурга, принадлежащем перу Федора Туманского, об этом упоминается неоднократно: «Лавки, называемые **нирнбергския**, под домами церкви римскокатолическия; в сих лавках продаются галантерейные нирнбергския товары»⁵⁶; храм «имеет по обеим сторонам изрядные дома и лавки, в которых нирнбергския товары продаются»⁵⁷. («**Нюрнбергская тема**» позднее увлекла и А.С. Пушкина; он даже написал небольшую повесть под названием «Марья Шонинг, дочь нюрнбергского ремесленника». (Осуждена в Нюрнберге в 1787 г.)⁵⁸.)

История появления «нюрнбергских лавок» такова. Город Нюрнберг с давних лет славился детскими игрушками, подзорными трубами, красивыми ящичками и письменными приборами. Эти товары тамошние торговцы развозили по разным городам и странам. В 1717 г. некий странствующий купец по фамилии Дазер с возом, груженным такого рода изделиями, прибыл в Петербург и получил позволение Петра I торговать в столичном граде. Пригласив и других своих земляков, Дазер вместе с ними открыл несколько деревянных лавок в том месте Гостиного Двора, где теперь находятся Серебряные ряды. В 1780 г., когда эти лавки сгорели, нюрнбергские торговцы перенесли в строившийся дом католической церкви. А поскольку в то время не существовало отдельных магазинов и вся торговля производилась в рядах, для них устроили открытые аркады с лавками⁵⁹.

В эти годы Россия по-прежнему характеризовалась веротерпимостью, и об этом свидетельствовал испанский поверенный в делах Мигель де Гальвес, живший в Петербурге в 1788—1790 гг. Его донесение в Мадрид от 24 марта (4 апреля) 1790 г. носит интересное название: «Сообщение об императорской общеобразовательной школе св. Петра в Петербурге для обучения молодежи обоего пола, всех сословий, национальностей и религиозных верований». В этом сообщении говорится «об организации здесь по инициативе правительства и при поддержке императрицы (Екатерины II. — *а.А.*) обучения молодежи всех сословий»⁶⁰.

Примечательно, что сам испанский дипломат оказался вовлеченным в это начинание; в том же донесении в Мадрид Мигель де Гальвес пишет: «Молодые люди русской, **немецкой**, французской и других национальностей, включая кастильцев, кормятся и спят в моем доме и помогают по мере возможности в текущей работе»⁶¹.

Эпоха Павла I (1796—1801)

После кончины императрицы Екатерины II на российский престол взошел ее сын — великий князь Павел Петрович. В эпоху Павла I положение Римско-католической церкви в России упрочилось еще более. Так, Павел I даровал архиепископу Станиславу Богуш-Сестренцевичу титул митрополита всех римско-католических церквей в России и выхлопотал для него кардинальское облачение. (Возведение Богуша в сан кардинала Папой было отклонено.)

В феврале 1798 г. Павел I присутствовал в храме св. Екатерины на панихиде по своему тестю — **герцогу Виртембергскому**. Очевидцем этого события был будущий петербургский литератор Н.И. Греч. «Вдоль Невского проспекта стояла фронтом вся гвардия, — вспомнил Николай Иванович. — Мы смотрели церемонию из квартиры **нюренбургского купца** Себастиана Гешта, выходящей на площадку перед церковью. В ожидании окончания службы в церкви Павел разъезжал верхом, надуваясь и пыхтя по своему обычаю. Великие князья Александр и Константин, как теперь их вижу, в семеновском и измайловском мундирах, бегали на морозе пред церковью, стараясь согреться. Один полицейский офицер стоял на краю площадки, во фронте. Вдруг подали сигнал. Все поспешили к местам. Раздалась музыка, ружейные выстрелы, пушечная пальба. Потом войска прошли церемониальным маршем. Все утихло; площадь опустела. Один только этот

полицейский стоял на месте. К нему подошел другой, коснулся его, и он упал на снег: несчастный замерз!»⁶²

Вскоре после воцарения Павла I в Санкт-Петербург из Полоцка переселился один из руководителей «Общества Иисуса» **Гавриил Грубер** (1740—1805). По специальности — инженер-гидрограф, родом из Австрии, он в 1755 г. стал членом «Общества Иисуса». После роспуска общества в 1773 г. Папой Климентом XIV Грубер последним из иезуитов Австрии сложил с себя одежды и обеты своего ордена. В 1786 г. Грубер прибыл в Полоцк, где под покровительством Екатерины II вокруг Полоцкой коллегии собирались иезуиты, не принявшие папский указ (бреве). Гавриил Грубер отличался обширными познаниями: он был искусным механиком, прекрасно знал математику, физику, химию и медицину, был талантливым живописцем и музыкантом. Павел I был очарован Грубером и разрешил ему свободный доступ в свой кабинет в любое время. Павел I благоволил к иезуитам: он видел в них защиту «от волн неверия, просвещения и якобинства в своей империи».

18 октября 1800 г. Павел I подписал указ, согласно которому иезуитам официально разрешалось совершать богослужения в Санкт-Петербурге. Для этого обществу был передан собор св. Екатерины со всем его имуществом и прилегающими строениями. Помимо этого, на набережной Екатерининского канала выделялся участок под постройку здания для церковного причта. «Обществу Иисуса» было разрешено организовывать при храме коллегию — школу-пансион для воспитания детей из дворянских семей. Вблизи Невского проспекта на набережной Екатерининского канала для иезуитского коллегіума был выстроен дом. Здесь получили образование представители многих знатнейших родов России: Бярятинских, Волконских, Вяземских⁶³.

Собор был украшен большим количеством деревянных скульптур, великолепными иконами; необычным был рисунок мозаичных полов. Однако не все его сокровища были доступны взору случайного посетителя. Наиболее ценные произведения хранились либо в ризнице, либо в квартире настоятеля. К числу таких шедевров относился изготовленный из серебра переносной алтарь работы Тэлота.

Иоганн Андреас Тэлот — знаменитый рисовальщик, гравер и золотых дел мастер, родился в Аугсбурге в 1654 г.; там же в 1734 г. он и скончался. В те времена Аугсбург был центром производства золотых и серебряных изделий. В конце XVII столетия волна итальянского

влияния направила сюда свой путь и немецкий ренессанс был вытеснен стилем барокко. Именно к этой переходной эпохе относится переносной алтарь работы Тэлола. На его главном образе — подпись «J.A. Thelot. 1719»⁶⁴.

Главная композиция, выполненная в чеканке, изображала «Поклонение пастухов» (дверца дарохранительницы). Вверху располагалось «Благовещение» (дверца мощехранилища), далее — «Воскресение Христово» и наконец — «Успение Богоматери». Исполненный по заказу одного из епископов Вюрцбурга, этот алтарь впоследствии очутился во Франции, потом в Италии — Риме, Неаполе, а во время наполеоновских войн опять возвратился в Аугсбург. Здесь в 1803 г. этот алтарь приобрел российский купец **Перлинг, католик немецкого происхождения**. Он отдал за эту святыню 2475 гульденов и вскоре пожертвовал его иезуитам, подвизавшимся в то время при соборе св. Екатерины в Петербурге⁶⁵.

...Получив почти полную независимость в российской столице, иезуиты сразу же приступили к широкой миссионерской деятельности, стремясь также оказывать влияние в политических делах. Окрыленный достигнутыми успехами, Гавриил Грубер представил Павлу I записку, в которой предлагал сделать первые шаги к примирению и воссоединению Православной и Католической церковью. По словам историка-иезуита Павла Пирлинга (родом из России), «доверие Павла I доходило до того, что он не скрывал от Грубера своих душевных настроений, своего взгляда на церковное единство, даже поручил ему объясниться с православными епископами и препроводил в Рим его записку о соединении Церквей»⁶⁶.

Тот же автор говорит об отношении тогдашнего Папы Римского Пия VII к этому вопросу: «Мое желание — присоединить Греческую с Католической верой; для сего важного предмета, который вечно прославит и сделает бессмертным имя великого Павла Первого, я готов сам ехать в С.-Петербург, изустно трактовать с государем, коего характер основан на истине, правосудии и верности»⁶⁷.

Дальнейшее развитие событий было бы благоприятным для проекта о соединении церковей, но к этому отрицательно отнеслись православные иерархи. По поручению одного из митрополитов префект Александро-Невской академии архимандрит Евгений (Болховитинов) составил «Каноническое исследование о папской власти в христианской церкви», разрушившее униональные замыслы Грубера⁶⁸.

Со временем отношение Павла I к Груберу заметно охладело; император велел более не допускать Грубера в свой кабинет. Была еще одна причина, приведшая к этому. В записках швейцарского пастора Этьена Дюмона сообщается о том, что Грубер «свободно входил к Павлу I, сумел доставить большой кредит (доверие. — *а.А.*) своему ордену и потерял его по неосторожности. Он попросил у императора разрешения вести пропаганду между русскими. От него сразу отвернулись, и он не был более принят»⁶⁹. А в ночь с 11 на 12 марта 1801 г. Павел I был убит заговорщиками...

Эпоха Александра I (1801–1825)

В 1802 г. Гавриил Грубер был избран генеральным настоятелем «Общества Иисуса» (по счету 23-м). Он продолжал пользоваться значительным влиянием при дворе Александра I. При встрече с Папой Пием VII в Неаполе Грубер добился восстановления «Общества Иисуса» в России⁷⁰.

Подобно своему отцу, Александр I не был чужд мысли о сближении Римско-католической и Православной церквей. Он посылал к Папе своего генерал-адъютанта, графа Мишо де Боретура и лелеял мысль о соединении церквей. Вот что пишет о своих беседах с Мишо в Вероне Шатобриан: «Мы коснулись соединения церквей — Греческой и Латинской. Александр склонялся к этому, но он не почитал себя достаточно сильным, чтобы попытаться осуществить такое намерение... Он не знал — подчиняется ли он тайным велениям Господа или всего лишь внутренним побуждениям, которые толкнули бы его к святотатству, сделали бы его ренегатом»⁷¹.

Март был «неблагоприятным месяцем» для Павла I, а также и для Гавриила Грубера. Его жизнь закончилась трагически: во время пожара, возникшего при неясных обстоятельствах в ночь с 25 на 26 марта 1805 г. в только что построенном доме иезуитов на набережной Екатерининского канала, он сгорел в своей комнате. Многие современники Грубера считали его гибель преднамеренным убийством. Его деятельность продолжил иезуит Березовский, избранный генеральным настоятелем «Общества Иисуса». Но влияние иезуитов при дворе после смерти Грубера резко снизилось⁷².

Вторжение наполеоновских войск в Россию представляло большую опасность и для ее столицы. «Спасителем града Петрова» стал представитель знатного **немецкого рода**, талантливый военачальник

граф Петр Христианович Витгенштейн (1762—1842). В 1812 г. с 20-тысячным войском он закрывал путь на С.-Петербург. Ранее П.Х. Витгенштейн принимал участие в войнах с Францией (1805—1807) и Турцией (1808). В 1814 г. он был тяжело ранен во Франции. В 1818 г. П.Х. Витгенштейн — главнокомандующий 2-й армией, а в 1828 г. он получил начальство над войсками в европейской Турции⁷³. В том же 1828 г. сын фельдмаршала Л.П. Витгенштейн венчался в петербургском соборе св. Екатерины.

Указом от 20 декабря 1815 г. пансион иезуитов был закрыт. «Они (иезуиты) стали сделанную им доверенность употреблять во зло: стали порученных им юношей и некоторые лица из слабейшего женского пола отвлекать от нашего (православного. — *а.а.*) и прельщать в свое вероисповедание»⁷⁴, — говорилось в указе, озаглавленном «О высылке всех иезуитского ордена монахов из Санкт-Петербурга».

Собор св. Екатерины был изъят из ведения иезуитов; повеление об этом было изложено в указе на имя митрополита римско-католических в России церковью Богуша-Сестренцевича. «В тот же день, по получении сего, назначить потребное число священников, дабы служба церковная не была ни мало остановлена, — предписывалось митрополиту Станиславу. — Впоследствии времени выписать, откуда заблагорассудите, монахов других орденов, кроме Езуитского, которые бы церковную службу совершали при здешней римско-католической церкви»⁷⁵.

На место иезуитов в С.-Петербург были присланы польские доминиканцы; богослужения в соборе св. Екатерины продолжались, но у Жозефа де Местра это не вызвало особой радости. «По сути дела, теперь здесь совсем нет католического богослужения, — сетует он в своем очередном письме (от 4 (16) февраля 1816 г.). — Как и предсказывали, вместо иезуитов к нам назначили польских мужиков, а недавно одному из них велели говорить проповедь по-итальянски, что, конечно, оборотилось сущей комедией»⁷⁶.

Посланник сардинского короля не снимает части вины и с членов «Общества Иисуса». «Иезуиты, обманувшиеся числом и высоким положением новообращенных, уже почитали, как говорится, город взятым, но действовали они с излишней поспешностью, — продолжает де Местр. — Пробудилась национальная гордость, и воследовала катастрофа. Для религии, имеющей здесь не менее 10 тыс. прихожан, это был смертельный удар»⁷⁷. Что же касается самих иезуитов как «физических лиц», то они были высланы из Санкт-Петербурга в Полоцк; им было запрещено жительство в Петербурге и Москве.

После кончины Папы Пия VII в 1823 г. было предписано совершать панихиды по усопшему архипастырю во всех римско-католических храмах Российской империи; скорбное чинопоследование было совершено и в храме св. Екатерины в Санкт-Петербурге.

В 1816 г. собор св. Екатерины был передан доминиканцам, которые совершали здесь богослужения до 1892 г. При них собор наладил тесные связи с Римом. Папские посланники постоянно посещали Петербург. Первым приором после возвращения храма доминиканцам стал Юстин Сокульский, занимавший эту должность до 1825 г.⁷⁸

Однако влияние иезуитов продолжало сказываться в высших кругах российского общества. Так, в 1818 г. в католичество перешла княгиня Александра Петровна Голицына (1774–1842), дочь сенатора генерала П.С. Протасова. Все это побудило Александра I к решительным мерам; в 1820 г. деятельность общества на территории России была запрещена.

Пушкинская эпоха

Первым приором после возвращения собора св. Екатерины доминиканцам в 1816 г. стал Юстин Сокульский. В 1825 г. его сменил Демиан Иоджевич; позже приорам были: Доминик Лукашевич, Панталеон Юзефович, Максимилиан Станевский, Доминик Стацевич, Якуб Шкиллондж и вновь Доминик Лукашевич⁷⁹.

В один из дней 1828 г. в соборе св. Екатерины было особенно празднично. Здесь при большом стечении народа венчался Л.П. Витгештейн, сын знаменитого фельдмаршала, «спасителя града Петрова», как его называли современники. На свадьбе присутствовали многие из его друзей — А.С. Пушкин, А.С. Грибоедов, И.И. Козлов, П.А. Вяземский, В.А. Жуковский, братья Брюлловы, А.О. Смирнова-Россет и другие выдающиеся деятели русской литературы и искусства. Венчался же Лев Петрович с молодой петербурженкой Стефанией Радзивилл, которую не раз воспевали в своих стихах Пушкин и Козлов⁸⁰.

В эти годы внутреннее убранство собора поражало своим великолепием. Цветные витражи, мозаичный пол, художественная лепка по стенам, картины на библейские темы — вся эта обстановка создавала у молящихся праздничное настроение. Гордостью храма был превосходный орган, изготовленный по специальному заказу **немецкими мастерами**.

Собор св. Екатерины в 1840–1930-е годы

В 1842 г. в Санкт-Петербург из Вильно была переведена Римско-католическая духовная академия. Ее ректором был назначен ксендз Игнатий Холовинский, известный своими трудами по истории Католической церкви и переводами пьес Шекспира на польский язык. В 1848 г. он был возведен в сан епископа, а в 1851 г. стал архиепископом и митрополитом. Игнатий Холовинский во многом способствовал украшению интерьера собора св. Екатерины. При нем здесь были размещены деревянные позолоченные фигуры апостолов; массивная бронзовая позолоченная люстра, в которой горело 300 свечей, была подвешена под куполом собора. Это был дар герцога **Максимилиана Лейхтенбергского** (1817–1852), зятя императора Николая I. Огромная библиотека из 60 тыс. томов на 30 языках, изумительная акустика зала — все это привлекало сюда множество молящихся.

В начале XX в. Католическая церковь имела в России 12 епархий; в Санкт-Петербурге действовали 8 католических соборов и не менее 10 приходских и домовых церквей⁸¹. В храме св. Екатерины был установлен большой орган фирмы «Валькер»; здесь постоянно звучала музыка, давались концерты духовной музыки.

Церковь святого Бонифация

Число немецких католиков в С.-Петербурге постоянно росло, и в начале XX столетия было решено выстроить для них отдельный храм. Немецкой католической общине подданных Германии и Австро-Венгрии был выделен участок земли на Церковной улице (ныне ул. Блохина, 9). Здесь началось строительство церкви святого Бонифация (приходская церковь для католиков германского подданства). Здание храма было построено по проекту гражданского инженера Владимира Дмитриевича Николя и освящено весной 1914 г. Оно размещалось на Петербургской стороне, недалеко от собора св. князя Владимира. Храм славился пышностью богослужений и посещался всеми немцами-католиками, проживавшими в Петербурге. К нему было приписано в июне 1914 г. 1500 прихожан. Настоятелем был Иоганн Себастьян Шумп.

После начала Первой мировой войны храм был временно закрыт; его настоятель был вынужден покинуть Петроград. Вскоре после этого церковь открыли вновь. Новым настоятелем был назначен магистр богословия доктор канонического права Антон Францевич Около-

Кулак. Согласно постановлению президиума Леноблисполкома от 1 августа 1935 г., храм был закрыт и передан под детский сад Электротехнического завода им. Кулакова, позднее его здание перестроили. В 1990-х годах в этом четырехэтажном здании размещалось 11-е отделение Кожгалантерейного завода им. А. Бебеля⁸².

Собор св. Екатерины: закрытие и возрождение

Собор св. Екатерины продолжал оставаться действующим до 1939 г.; его обслуживали французские священники: до августа 1935 г. — епископ Амудрю, а затем — священник Кловис Флоран⁸³. В конце 1920-х годов, по свидетельству А.Э. Краснова-Левитина, «в Питере было 6 действовавших католических церквей. Главным центром католичества был великолепный кафедральный собор святой великомученицы Екатерины на Невском проспекте»⁸⁴.

Согласно постановлению президиума Верховного Совета РСФСР от 7 сентября 1938 г., храм св. Екатерины был закрыт и разорен. На двор были выброшены разбитые иконы и церковная утварь. Перестала существовать великолепная библиотека, насчитывавшая более 10 тыс. редких изданий на 30 языках.

После упразднения прихода св. Екатерины здание храма первоначально было передано Этнографическому музею и использовалось под складские помещения. Пожар, вспыхнувший в соборе в 1930-х годах, уничтожил орган фирмы «Валькер»⁸⁵. На протяжении 50 лет прекрасное здание на Невском проспекте не имело хозяина. Постепенно из его стен исчезли книги и картины; последние годы здесь размещалась дирекция Музея истории религии и атеизма, а главное помещение собора использовалось как склад.

В 1968 г. по решению исполкома Ленсовета здание храма передали в ведение Ленинградской государственной филармонии для организации там органного зала. Долго работали в помещении архитекторы-реставраторы, буквально по кусочкам собирая остатки интерьеров, чтобы придать внутренней части церкви ее первоначальный вид. Под руководством опытного архитектора А.И. Тараненко были сделаны обмеры здания, составлены сметы необходимых работ, но приступать к ним не торопились. Шли годы, а собор продолжал разрушаться.

Бесхозяйственность и недобросовестность арендаторов в конце концов привели к беде. Пожар, происшедший 14 февраля 1984 г., уничтожил остатки убранства интерьеров, разрушил мраморные

скульптуры, свел на нет многолетнюю работу реставраторов⁸⁶. После подавления августовского путча 1991 г. духовная атмосфера в Санкт-Петербурге стала не столь удушающей. Была зарегистрирована католическая община св. Екатерины, что давало ей возможность хлопотать о возвращении храма в ее собственность.

В феврале 1992 г. петербургская мэрия приняла решение о возвращении верующим храма св. Екатерины. К октябрю 1992 г. в соборе св. Екатерины был завершен первый этап реставрационных работ. Там убрали мусор, расчистили полы, установили временный алтарь. В первое воскресенье октября 1992 г., в 18 часов, состоялось повторное освящение главной католической церкви города. Это было первое после 1917 г. освящение храма Римско-католической церкви не только в Санкт-Петербурге, но и в России. Торжественное богослужение возглавил апостольский администратор европейской части России архиепископ Тадеуш Кондрусевич⁸⁷. (Учился в 1964–1970 гг. в Ленинградском политехническом институте.)

Настоятелем храма был назначен **отец Евгений Гейнрихс — выходец из семьи российских немцев-лютеран**. (Он являлся также деканом Северо-Западного округа Апостольской администрации Европейской части России). Как отметил о. Евгений, приход св. Екатерины многоязычный: «...богослужения совершаются для разных групп верующих на русском, английском, польском, испанском и даже корейском языках. Но большинство людей принадлежит к русской языковой традиции, хотя все-таки около 80 % так или иначе, через боковые линии своего происхождения, связаны с традиционно католическими этносами»⁸⁸.

Однако прошло еще несколько лет, прежде чем реставрация капеллы была завершена. Это была отнюдь не «основная церковь»; реставраторы воссоздали мрамор стен, лепнину, подлинный престол, колонны. Работы проводились на деньги, собранные католиками США, по инициативе о. Роберта Фокса.

В свою очередь участие в судьбе памятника принял ГИОП. Он выделил средства на реставрацию скульптур на фасадах и гидроизоляции подвала. В 1997 г. Комитет по охране памятников выделил храму 421 тыс. деноминированных рублей на реставрацию, а в 1998 г. — 200 тыс.⁸⁹ **Немецкая фирма** — производитель теплового оборудования — безвозмездно провела в капеллу тепло.

Осенью 1996 г. воздушные монтажники провели уникальную операцию по установке 7-метрового креста на купол храма св. Екатерины.

ны. Изготовленный в 1763 г. крест был восстановлен мастерами петербургского судоремонтного завода по чертежам XVIII в. Утром 28 октября крест был доставлен к храму, где при помощи художников, устроивших небольшую галерею под открытым небом перед входом в храм, заводские мастера закончили монтаж позолоченных деталей; затем его освятил настоятель собора **отец Евгений Гейнрихс**. Сложнейшая операция по заводу креста в специальную ловушку при помощи вертолета, на подготовку которой ушло несколько месяцев, была в считанные минуты выполнена альпинистами под руководством Романа Юринова. Петербургские реставраторы и монтажная бригада уже не в первый раз работали в храме св. Екатерины. В марте 1994 г. здесь были проведены аналогичные работы по установке золоченного титанового креста над входом в храм⁹⁰.

Теперь нарядное убранство капеллы являет собой разительный контраст с изуродованным огнем интерьером собора. Автором проекта дальнейшей реставрации стала польский архитектор Ромуальда Ханковска⁹¹. Отныне текст мраморной мемориальной доски на стене капеллы гласит, что она отреставрирована на средства простых католиков и освящена 11 октября 1998 г.

В 2003 г. в Санкт-Петербурге прошли торжества, приуроченные к 300-летию основания города на Неве. 26 мая в 22.30 состоялось открытие художественно-декоративной подсветки собора св. Екатерины, выполненной при финансовой поддержке Италии⁹².

1. Полный свод законов Российской империи (далее — ПСЗРИ) с 1649 г. СПб., 1830. Т. IV. С. 193. № 1910.

2. Деша № 5. Москва. 3 окт. 1703 г. // Сборник Русского исторического общества (далее — Сб. РИО). СПб., 1881. Т. 34. С. 29–30.

3. Там же. С. 30.

4. ПСЗРИ. СПб., 1830. Т. IV. С. 194. № 1910.

5. Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII века. СПб., 1904. С. 186.

6. Там же.

7. Этот храм находился на том месте, где позже В.П. Стасовым было построено здание казарм Павловского полка. В нем при советской власти разместилось управление Ленэнерго (*Шульц С.* Храмы Санкт-Петербурга. СПб., 1994. С. 232).

8. *Петров П.Н.* История Санкт-Петербурга. СПб., 1885. С. 40, примеч. 200.

9. Письма иезуитов... С. 188.

10. *Пушкин А.С.* Полное собр. соч. М., 1938. Т. 10. С. 228.
11. Там же. С. 191.
12. Цит. по: *Шульц С.* Храмы Санкт-Петербурга. СПб., 1994. С. 231.
13. ПСЗРИ. СПб., 1830. Т. V. № 3356. С. 694.
14. *Хавен Петер фон.* Путешествие в Россию // Беспятых Ю.Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 336.
15. *Петров П.Н.* Указ. соч. С. 40, примеч. 200.
16. *Хавен Петер фон.* Указ. соч. С. 336–337.
17. Там же. С. 337.
18. *Петров П.Н.* Указ. соч. С. 40, примеч. 200.
19. Цит. по: *Шульц С.* Указ. соч. С. 231.
20. Там же.
21. *Хавен Петер фон.* Указ. соч. С. 336.
22. *Богданов Г.* Историческое, географическое и топографическое описание Санктпетербурга. СПб., 1779. С. 450.
23. *Туманский Ф.* Описание Санктпетербурга // Российский магазин. СПб., 1792. Ч. 1. С. 178.
24. *Шульц С.* Указ. соч. С. 232.
25. ПСЗРИ. СПб., 1830. Т. X. № 7654. 14 сент. 1738 г. Именной, объявленный из кабинета Ея Величества Комиссии о Санкт-петербургском строении. Об отводе места под римско-католическую церковь. С. 612.
26. *Георги И.Г.* Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях оногo. СПб., 1794. Ч. II. С. 280.
27. ПСЗРИ. СПб., 1830. Т. IX. С. 482. № 6693. 22 февр. 1735 г.
28. Там же. С. 482.
29. Там же.
30. Там же.
31. *Корольков М.* Архитекты Трезины // Старые годы. 1911. № 4. С. 26.
32. Там же. С. 239.
33. Записки Штелина об императоре Петре III (Дополнение) // ЧОИДР. 1866. Кн. 4. Дек. Отд. V. С. 101.
34. *Штелин Якоб.* Известия о музыке в России // Музыкальное наследство. Сб. материалов по истории музыкальной культуры в России. М., 1935. С. 150–151.
35. Там же. С. 151.
36. *Шульц С.* Указ. соч. С. 233.
37. Там же. С. 36.
38. *Казанова Д.* История моей жизни. М., 1990. С. 555.
39. ПСЗРИ. СПб., 1830. Т. XVIII. С. 832–833. № 13.251. Жалованная грамота Санкт-Петербургской римско-католической церкви. 12 февр. 1769 г.
40. *Шульц С.* Указ. соч. С. 233.
41. *Георги И.Г.* Указ. соч. СПб., 1794. Т. II. С. 281.

42. Там же. С. 834.
43. Там же. С. 835.
44. *Толстой Д.А.* Римский католицизм в России. СПб., 1877. Т. II. С. 41.
45. *Шульц С.* Указ. соч. С. 233.
46. Регламент... С. 833.
47. Там же.
48. *Георги И.Г.* Указ. соч. С. 281. Т. II.
49. *Коган В.М.* Судьба костела на Невском // Ленинградская панорама. 1986. № 12. С. 36.
50. *Георги И.Г.* Указ. соч. Т. II. С. 280.
51. *Шульц С.* Указ. соч. С. 233.
52. *Туманский Ф.* Указ. соч. С. 178.
53. *Георги И.Г.* Указ. соч. Т. II. С. 282.
54. Там же. С. 281.
55. *Врангель Н.*, барон. Иностранные художники XVIII столетия в России // Старые годы. 1911. № 7–9. С. 44.
56. *Туманский Ф.* Указ. соч. СПб., 1792. Ч. I. С. 175.
57. Там же. С. 178.
58. *Пушкин А.С.* Полное собр. соч. М., 1940. Т. VIII. Ч. II. С. 943.
59. *Иванов Анатолий.* «Нюрнбергские лавки»... на Невском // Санкт-Петербургские ведомости. 24.02.2012. № 33. С. 6.
60. Донесение М. де Гальвесы Х. де Флоридабланке от 24 марта (4 апреля) 1790 г. // Россия и Испания. М., 1991. Т. 1. С. 385–386.
61. Там же. С. 386.
62. *Греч Н.И.* Записки о моей жизни. М., 2000. С. 100.
63. *Шульц С.* Указ. соч. С. 236.
64. *Боравский Александр.* Переносной алтарь Иоанна Андрея Тэлота // Старые годы. 1909. Ноябрь. С. 625. (Фотография алтаря: Там же. Между с. 626 и 627).
65. Там же. С. 625. (Этот алтарь являлся собственностью собора св. Екатерины и находился в квартире настоятеля вплоть до 1917 г.)
66. *Пирлинг П.* Исторические статьи и заметки. СПб., 1913. С. 185.
67. Там же. С. 186.
68. Христианство: Энциклопедический словарь. М., 1993. Т. 1. С. 516.
69. Дневник Этьена Дюмона об его приезде в Россию в 1803 г. // Голос минувшего. 1913. Февр. С. 160–161.
70. В бреве Папы Пия VII от 7 марта 1801 г. иезуитам позволялось объединиться в «Общество Иисуса», «но только в России, а не вне пределов этой империи» (*Толстой Д.А.* Римский католицизм в России. СПб., 1877. Т. II. С. 142–143).
71. Цит. по: *Любимов Лев.* Тайна императора Александра I // Юность. 1994. № 7. С. 53.
72. *Шульц С.* Указ. соч. С. 236.

73. Малый энциклопедический словарь / Изд. Брокгауз и Ефрон. 2-е изд. СПб., 1907. Т. I. С. 868.
74. ПСЗРИ. СПб., 1830. Т. XXXIII. С. 409. № 26032.
75. Там же. С. 410. № 26033. 20 дек. 1815 г. Об определении к Санкт-Петербургской римско-католической церкви на место иезуитов, монахов из других орденов.
76. Там же. С. 287.
77. Там же.
78. Шульц С. Указ. соч. С. 236.
79. Там же.
80. Коган В.М. Указ. соч. С. 36.
81. Шульц С. Указ. соч. С. 232.
82. Там же. С. 243–244.
83. Там же. С. 239.
84. Краснов-Левитин А.Э. Лихие годы. 1925–1941. Париж, 1977. С. 227–228.
85. Котляревский А., Шляпников В. Столица органной музыки // Ленинградская правда. 13.04.1991. № 86–87.
86. Коган В.М. Указ. соч. С. 37.
87. Вечерний Петербург. 2.10.1992. № 228.
88. Интервью с о. Евгением Гейнрихсом // Русская мысль. 1998. 3–9 сент. № 4235. С. 19.
89. Возрождение костела-памятника // Невское время. 1998. 17 окт. № 191. С. 2.
90. Благовест-инфо. СПб. 29 окт. 1996 г.
91. Леусская Л. Капелла вновь освящена // Санкт-Петербургские ведомости. 1998. 14 окт. № 193. (Незадолго до своей кончины Ромуальда Ханковска издала книгу «Храм святой Екатерины в Санкт-Петербурге». СПб., 2001.)
92. Город перспектив // Аргументы и факты — Петербург. 2003. № 21. С. 1.